

4. Международные отношения в эпоху мировых войн: вопросы истории и историографии

И.В. Грибан

ТЕМА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1939–1941 гг. В ИСТОРИОГРАФИИ ГДР

7 октября 1949 г. в ответ на создание на территории трех западных оккупационных зон ФРГ, в советской зоне состоялось провозглашение Германской Демократической Республики. Раскол Германии, ставший символом Холодной войны, предопределил развитие исторической науки ГДР на всем протяжении ее существования. Новое социалистическое государство нуждалось в обосновании своей легитимности. Ключевой идеей для формирования национальной идентичности в Восточной Германии стали признание вины милитаристских и империалистских кругов перед мировым сообществом и отстранение от нацистского прошлого. После крушения социализма восточногерманские историки оказались перед выбором: либо обрести новую идентичность в условиях ФРГ, либо исчезнуть с интеллектуальной карты современной Германии. Вместе с тем, стоит отметить, что восточногерманская историографическая традиция, после коллапса начала 1990-х гг. претерпев серьезные изменения, все же оставила свой след в культурно-историческом облике современной Германии. Так, «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*» стал одним из ведущих исторических журналов ФРГ. В первой половине 1990-х гг. появилось значительное количество объединений, в которых представители бывшей исторической науки ГДР продолжили заниматься научной и учебной работой, что позволяет современным исследователям говорить об «альтернативной исторической культуре ФРГ» или о «второй немецкой научной культуре».

Ключевые слова: историография, ГДР, советско-германские отношения, Холодная война

7 октября 1949 г. в ответ на создание на территории трех западных оккупационных зон ФРГ, в советской зоне состоялось провозглашение Германской Демократической Республики. Раскол Германии, ставший символом Холодной войны, предопределил развитие исторической науки ГДР на всем протяжении ее существования. Новое социалистическое государство нуждалось в обосновании своей легитимности.

Ключевой идеей для формирования национальной идентичности в Восточной Германии стали признание вины милитаристских и империалистских кругов перед мировым сообществом и отстранение от нацистского прошлого. Германская Демократическая Республика была провозглашена оплотом «строительства общего будущего для всей Европы»³⁵⁶. Позиционирование молодого социалистического государства основывалось на противопоставлении ФРГ, ставшей «пристанищем неонацизма, возрождающегося милитаризма и империализма» в послевоенной Европе³⁵⁷. Идеологической основой нового государства и центральным моментом самосознания населения ГДР стал антифашизм³⁵⁸.

Изучение предыстории Второй мировой войны и советско-германских отношений 1939–1941 гг. в ГДР было подвержено влиянию историков СССР и контролировалось со стороны Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Если во второй половине 1940-х гг. восточногерманские историки были открыты для дискуссии, то в начале 1950-х гг. их деятельность в целом и «Журнала исторической науки» («*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*») – центрального печатного органа историков Восточной Германии – в частности, оказались под несусыпным партийным контролем³⁵⁹.

³⁵⁶ Максимишев И. Немцы и 9 мая 1945 года // Материалы российско-германской конференции «Любедя, освобождение или поражение? 9 мая 1945 года в судьбах русских и немцев». Москва, 21 апреля 2005 г. // Фонд Розы Люксембург. URL: <http://www.rosalux.ru/main/modules/sections/index.php?op=viewarticle&artid=16&page=2> (дата обращения: 01.05.2012).

³⁵⁷ Подробное о ГДР в немецко-немецком дискурсе см.: Кирчанов М.В. Германская Демократическая Республика: исторические нарративы в дискурсах написания национальной истории // Германия: история и современность. Сборник статей памяти профессора В.А. Артемова. Воронеж, 2006. Часть 2. Германия и мир: образы, взаимоотношения и идентичности. С. 229–239.

³⁵⁸ Интересно в связи с этим мнение одного из самых известных восточногерманских историков, высказанное уже после крушения ГДР: «Это стало привычным, критиковать антифашизм ГДР. И для такой критики есть основания. Антифашистский нимб, которым украшала себя официальная ГДР, нуждалась в существенной корректуре. Но при всем этом, я убежден, что значимым компонентом всей основы советской оккупационной зоны и затем ГДР являлся честный, сильный антифашистский пыл. И он был предписан не Политбюро, а горьким опытом собственной жизни людей, к которым относился и я» (Klein F. Rückblick auf die ZfG – Geschichtspolitik in der DDR // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* (далее – ZfG). 2003. II. 1. S. 262).

³⁵⁹ Ф. Кляйн приводит в своих воспоминаниях один любопытный эпизод: в 1953 г. готовился к выходу первый выпуск журнала „*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*“. Номер был уже напечатан, когда пришло известие о смерти И. Сталина. Ведущий печатный орган исторической науки ГДР не мог не отреагировать на это событие. «С быстротой молнии» был распечатан четырехстраничный разворот на глянцевой бумаге с портретом Сталина на первой странице, сообщением ЦК КПСС, Совета министров и президиума Верховного Совета СССР и соболезнованиями президента ГДР В. Пика на следующих страницах. Этот разворот был вручную подклеен во все экземпляры журнала.

В целом концепция событий 1939–1941 гг. в восточногерманской историографии оформилась к началу 1950-х гг. и практически не отличалась от официальной советской версии событий. Ключевыми тезисами этой концепции были следующие: мировой империализм во главе с Францией и Великобританией стремился стравить фашистскую Германию и миролюбивое Советское государство, в результате чего в 1939 г. мир оказался перед прямой угрозой новой мировой войны; СССР пытался сохранить мир и инициировал англо-франко-советские переговоры, которые потерпели неудачу из-за приверженности англичан и французов «мюнхенской политике»; Советский Союз вынужден был принять предложение Германии о заключении договора о ненападении, который был мудрым и единственно верным шагом³⁶⁰.

XX съезд КПСС и разоблачение культа личности И. Сталина побудили восточногерманских исследователей вновь обратиться к предыстории Второй мировой войны. Эта тема нашла отражение в исследованиях таких историков, как В. Баслер, А. Шрайнер, Г. Фёрстер, Г. Шниттер³⁶¹. Интересно, что в ГДР внешняя политика Советского Союза конца 1930-х гг. в итоге подверглась еще менее значительной переоценке, чем в СССР. Советские историки попытались возложить всю ответственность за события 1939–1941 гг. на Сталина и объяснить его просчетами трагическое начало Великой Отечественной войны. В этой связи восточногерманский исследователь Баслер в 1957 г. отмечал: «В последнее время возникли сомнения относительно оценки советской внешней политики перед Второй мировой войной, после того как на XX съезде КПСС речь шла о серьезных ошибках во внешней политике Советского Союза. Я считаю, что, несмотря на сказанное, нет оснований подвергать ревизии наше мнение о внешней политике СССР»³⁶².

Баслер подробно изучил ход англо-франко-советских переговоров августа 1939 г. и сделал традиционный для советской и восточногерманской историографии вывод: «Британо-франко-советские военные переговоры состоялись по инициативе СССР, но правительства Франции и, прежде всего, Британии, предпочли компромисс западных держав с гитлеровской Германией правильному и эффективному союзу с СССР»³⁶³. Баслер отмечал, что «...главная цель Великобритании со-

³⁶⁰ Zentren historiographischer Forschung in der UdSSR. Zur Bedeutung der sowjetischen Historiographie für die Erforschung der Geschichte und der Geschichtsschreibung der DDR und Westdeutschlands // ZfG. 1967. H.3. S. 478–485.

³⁶¹ Basler W. Die britisch-französisch-sowjetischen Militärbesprechungen im August 1939 // ZfG. 1957. II. 1. S. 18–56; Schreiner A. Zur Vorgeschichte des Zweiten Weltkrieges und zur Frage des „Dranges nach Osten“ // ZfG. 1957. H.1. S. 57–60; Der Barbarossaplan in Politik und Kriegführung Hitlerdeutschlands 1940/41 // ZfG. 1959. H. 3. S. 529–552; usw.

³⁶² Basler W. Op. cit. S. 18.

³⁶³ Ebenda. S. 21.

стояла не только в том, чтобы затягивать переговоры, но и в том, чтобы прийти в конечном счете к такому соглашению, которое бы ни при каких обстоятельствах ни к чему не обязывало бы Великобританию»³⁶⁴. С Баслером был солидарен Шрайнер, занимавшийся дипломатическими аспектами предыстории Второй мировой войны и подчеркивающий, что позиция Франции практически не отличалась от позиции Великобритании: «Хотя французское правительство из-за оправданного страха перед немецкой агрессией в ряде вопросов демонстрировало стремление к заключению трехстороннего пакта, в ключевых вопросах (стратегии войны против агрессора, международного положения СССР и др.) имело такую же позицию, как и Великобритания, и подчинялось британской политике»³⁶⁵.

В таких условиях СССР был вынужден пойти на сближение с Германией, инициатива которого, согласно концепции восточногерманских историков, исходила от немецких дипломатов: «Было бессмысленно продолжать с Англией и Францией переговоры, которые все равно не могли привести к эффективному сотрудничеству. Только 17 августа, когда стало очевидно, что по всем основным пунктам англо-франко-советские переговоры зашли в тупик, советское правительство *пошло на уступки* немецким дипломатам и заявило о готовности заключить договор между Германией и СССР»³⁶⁶. Шрайнер отмечал, что «даже в этот момент СССР еще не терял надежды на подписание англо-франко-советского договора»³⁶⁷.

В вопросе об *оценке* советско-германского пакта о ненападении историки ГДР также были единодушны: «Пакт с Германией был единственно верным и вынужденным шагом; не причиной, а следствием провала тройственных переговоров»³⁶⁸. Правильность этого внешнеполитического шага показало время: «Договор обеспечил СССР мир более, чем на 1,5 года, и позволил подготовиться к будущей войне»³⁶⁹.

Советско-германский договор «О дружбе и границе», равно как и секретные договоренности СССР и Германии, в трудах восточногерманских историков не упоминались. Зато большое внимание исследователями уделялось подготовке Германией плана «Барбаросса». Они отмечали, что пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. вовсе не означал для Гитлера отказа от антисоветской политики: «Непосредственное технико-военное планирование агрессии против СССР немецкий Генштаб

³⁶⁴ Ebenda, S. 22.

³⁶⁵ Schreiner A. Op. cit. S. 58.

³⁶⁶ Basler W. Op. cit. S. 30.

³⁶⁷ Schreiner A. Op. cit. S. 59.

³⁶⁸ Der Barbarossaplan in Politik und Kriegführung Hitlerdeutschlands 1940/41. S. 531.

³⁶⁹ Ebenda, S. 532.

начал уже летом 1940 г., когда Франция была побеждена, большая часть Европы была завоёвана и разграблена фашистами, когда гитлеровская армия получила относительную стратегическую и оперативную свободу на континенте, а промышленность почти всей Европы обслуживала потребности немецкого милитаризма»³⁷⁰. В этом контексте вскользь упоминалось о визите В. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. и подчеркивалось, что он не мог принести положительного результата, поскольку к этому времени было уже принято окончательное решение о войне против Советского Союза³⁷¹. Подробно анализировались этапы обсуждения плана «Барбаросса», но не затрагивался вопрос о причинах внезапности нападения Германии на СССР.

Стоит отметить, что как реакция на события в СССР в 1956 г. на страницах журнала «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*» возникла дискуссия о партийности и объективности в исторической науке. Дискуссию начал видный немецкий историк Юрген Кучинский, заявив, что «партийность истории в ГДР должна означать ее объективность, приближенность к реальности. Партийность историков должна выражаться не в стремлении следовать постановлениям СЕПГ или интересам идеологии рабочего класса, а интересам объективности»³⁷². Эти «крамольные» идеи вскоре подверглись детальной критике со стороны таких исследователей, как И. Хёппнер и В. Бертольд³⁷³.

Для координации исторических исследований в 1957 г. была создана комиссия историков СССР и ГДР, которая функционировала до 1989 г. Её деятельность была крайне идеологизирована. Некоторые советские ученые (П.А. Жилин, Д. Мельников, Е.А. Болтин) регулярно публиковали в «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*» свои статьи, посвященные истории Второй мировой войны и задававшие общий тон исследованиям³⁷⁴. Одним из приоритетных направлений историографии

³⁷⁰ Ebinda. S. 534.

³⁷¹ Ebinda. S. 538.

³⁷² Kuczynski J. Parteilichkeit und Objektivität in Geschichte und Geschichtsschreibung // *ZfG*. 1956. H. 5. S. 873–888. Интересно, что на некоторых русскоязычных сайтах упоминается об активном сотрудничестве Ю. Кучинского с советской разведкой под псевдонимами «Каро» и «Пит». Подтверждений этих сведений в немецкоязычных источниках выявить пока не удалось.

³⁷³ Höppler I. Zur Kritik der Geschichtsauffassung von Jürgen Kuczynski in den Fragen des Klassenkampfes und der Parteilichkeit // *ZfG*. 1958. H. 3. S. 562–577; Berthold W. Bemerkungen zu den von J. Kuczynski und anderen Historikern aufgeworfenen Problemen des Geschichtstums // *ZfG*. 1958. H. 2. S. 304–310.

³⁷⁴ См., например: Shilin P.A. Die Rolle der Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg in der bürgerlichen Geschichtsschreibung // *ZfG*. H. 1. S. 100–115; Melnikow D. Die Ursachen für die Niederlage Hitlerdeutschlands im Zweiten Weltkrieg in der westdeutschen Geschichtsliteratur // *ZfG*. 1958. H. 1. S. 116–133; Ders. Die welthistorische Bilanz des Sieges der freiheitsliebenden Völker über den deutschen Imperialismus im Zweiten Weltkrieg // *ZfG*. 1960. II. 3. S. 501–530;

ГДР и ведущей темой главного исторического журнала страны стала борьба с «буржуазными фальсификаторами истории», в том числе и по вопросу о советско-германских отношениях 1939–1941 гг.³⁷⁵ Противостояние историков двух немецких государств было обоюдным. Ф. Кляйн отмечал, что публикации западногерманских историков были зеркальным отражением трудов историков ГДР³⁷⁶. Так, один из историков ФРГ Р. Виттрам на страницах «Исторического журнала» (ведущее историческое периодическое издание ФРГ) заявил, что даже сам разговор с историками-марксистами немислим³⁷⁷.

На рубеже 1950-х – 1960-х гг. изучение советско-германских отношений 1939–1941 гг. было продолжено К.-Д. Хофтом, Х. Гёпфертом, Р. Кзоллском, Д. Айхольцем, Г. Хассом и др.³⁷⁸. В целом к середине 1960-х гг. труды историков ГДР, посвященные советско-германским отношениям 1939–1941 гг., были практически идентичны исследованиям советских ученых. Сблизились и оценки роли Сталина во внешней политике СССР конца 1930-х гг. Так, Гёпферт, анализируя начальный этап Великой Отечественной войны, отмечал: «Временные преимущества вермахта перед Красной Армией в 1941 г. были обусловлены внезапностью нападения. Подготовка Красной Армии в начале войны позволила бы успешно противостоять нападению, если бы не ряд субъективных факторов: неверные оценки военно-политического положения

Bollin F.A. Über den Stand und einige Probleme der Erforschung der Geschichte des Zweiten Weltkrieges in der Sowjetunion // ZfG. 1958. II. 5. S. 990–998.

³⁷⁵ Korfos O. Die westdeutsche Geschichtsschreibung zur militärischen Planung und politischen Wirkung der Schlacht um Stalingrad // ZfG. 1958. H. 3. S. 496–507; Stern L. Der deutsche Revisionismus nach dem Zweiten Weltkrieg und die bürgerliche Geschichtsschreibung // ZfG. 1960. II. 3. S. 557–582; Ders. Die Haupttendenzen der reaktionären Geschichtsschreibung über den Zweiten Weltkrieg // ZfG. 1958. II. 1. S. 66–99; Hass G. Zur Methode der Polemik gegen Shirers „Aufstieg und Fall des Dritten Reiches“ von Seiten der offiziellen westdeutschen Geschichtsschreibung und Publizistik // ZfG. 1962. H. 7. S. 1626–1642; Über unsere Stellung zu den westdeutschen bürgerlichen Historikern // ZfG. 1958. H. 4. S. 870–873 usw.

³⁷⁶ Klein F. Rückblick auf die ZfG – Geschichtspolitik in der DDR. S. 263.

³⁷⁷ Райнхард Виттрам (Reinhard Wittram. 1902–1973) – историк ФРГ, происходил из немецко-балтийской семьи. Образование получил в университетах Риги, Йены и Тюбингена. В 1941 г. вступил в НСДАП. До 1945 г. его публикации были подчинены «духу национал-социализма». После поражения Германии в войне он постепенно дистанцировался от нацистского прошлого, называя свое поведение в период господства нацизма «Ошибочным путем консерватора». В последующих публикациях он ставит вопрос о персональной ответственности за прошлое. Тем, что он поднимал вопрос и о личной ответственности, Виттрам отличается от многих западногерманских историков, которые предпочитали молчать о своей поддержке нацистского режима.

³⁷⁸ Wissenschaftliche Tagung der deutsch-sowjetischen Historikerkommission über die Rolle des deutschen Imperialismus im Zweiten Weltkrieg // ZfG. 1959. H. 1. S. 147–150; Wissenschaftliche Konferenz zum Jahrestag des faschistischen Überfalls auf die Sowjetunion // ZfG. 1966. H. 7. S. 960–964.

И.В. Сталиным и его ближайшим окружением, деятельность клики Берии и просчёты военных»³⁷⁹.

Как и в СССР, в историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. приоритетными были военно-политические и экономические аспекты: Хофт изучал аграрную политику фашизма как средство подготовки Второй мировой войны³⁸⁰, Кёллерек. Хасс и Айхольц – роль германских монополистов и генералитета в подготовке нападения на СССР³⁸¹.

Г. Линдер детально изучил роль Франции в развязывании Второй мировой войны. Внешняя политика Франции, которая после Мюнхенского соглашения пошла на подписание германо-французской декларации 1938 г.³⁸², оценивалась критически: «В основе сотрудничества господствующих классов в обоих государствах лежал, наряду с антисоветизмом, страх перед революционным движением... Под лозунгом „Лучше Гитлер, чем Народный Фронт“ французские империалисты готовы были не колеблясь променять государственный суверенитет на спасение своего господства»³⁸³. Когда в начале 1939 г. стало очевидно, что Гитлер готовится скорее к нападению на Западе, чем на Востоке, французское правительство всеми силами попыталось предотвратить это: «Для того, чтобы успокоить французское население и мировую общественность, французское правительство предприняло попытку переговоров с правительством СССР, сохраняя при этом тесные контакты с Берлином. Французские политики надеялись при помощи этих переговоров оказать на свой страх и риск давление на немецкое правительство и побудить его к созданию единого антисоветского фронта»³⁸⁴. Мюнхенское соглашение как одна из главных ошибок англо-французской политики стало «прологом к военной катастрофе, которая охватила в 1939 г. весь мир»³⁸⁵.

На рубеже 1950-х – 1960-х гг. конституирование социалистической немецкой исторической науки завершилось: «Были созданы пред-

³⁷⁹ Göpfert H. Die militärische Vorbereitung des faschistischen Überfalls auf die Sowjetunion // ZfG. 1966. II. 7. S. 1092–1116.

³⁸⁰ Hoelt K.-D. Die Agrarpolitik des deutschen Faschismus als Mittel zur Vorbereitung des Zweiten Weltkrieges // ZfG. 1959. H. 6. S. 1205–1230.

³⁸¹ Czollek R., Eichholz D. Die deutschen Monopole und der 22. Juni 1941. Dokumente zu Kriegszielen und Kriegsplanung führender Konzerne beim Überfall auf die Sowjetunion // ZfG. 1967. II. 1. S. 61–76; Eichholz D., Hass G. Zu den Ursachen des Zweiten Weltkrieges und der Kriegszielen des deutschen Imperialismus // ZfG. 1967. H. 7. S. 1148–1170.

³⁸² Декларация провозглашала, что правительства Франции и Германии обязуются приложить все усилия для развития мирных, добрососедских отношений между их странами.

³⁸³ Linder H. Die Deutsch-Französische Erklärung vom 6. Dezember 1938. Zur diplomatischen Vorgeschichte des zweiten Weltkrieges // ZfG. 1968. H. 3. S. 885–893.

³⁸⁴ Ebenda. S. 893.

³⁸⁵ Zum 30. Jahrestag des Münchener Verrats. Aufruf der Kommission der Historiker der UdSSR und der DDR an die Historiker aller Länder // ZfG. 1968. II. 5. S. 1411.

посылки для стабильного развития в последующие годы. Четко обозначены границы между идеологическими взглядами историков ГДР и буржуазными учеными, в первую очередь, западногерманскими. Были предприняты попытки доказать существование самостоятельной восточногерманской историографии»³⁸⁶.

В 1970-е гг. в развитии историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. в ГДР сохранялись те же тенденции. Тесным было сотрудничество с советскими историками: регулярно проводились совместные конференции и коллоквиумы, на которых повторялись прежние оценки событий кануна и начального периода Второй мировой войны³⁸⁷.

Несмотря на противостояние с историками ФРГ, ученые ГДР не могли абсолютно дистанцироваться от того, что происходило в соседнем государстве, и вынуждены были периодически реагировать на публикации западногерманских историков (например, на труды Э. Нольте, А. Хильгрубера, Ф. Фабри, А. Росси). В 1970-е – 1980-е гг. в связи с возникновением ревизионистского течения в ФРГ, в Восточной Германии усилилась критика «буржуазной историографии»: ведущие историки ГДР Г. Лоцек, Г. Вальтер, Р. Рихтер, В. Шмидт, К. Петпольд, М. Вайсбекер выступили с критикой западногерманской концепции событий 1939–1941 гг. и, в частности, тезиса о превентивной войне Германии против СССР³⁸⁸.

Таким образом, интерпретация советско-германских отношений 1939–1941 гг. в историографии Германской Демократической Республики с начала 1950-х гг. до середины 1980-х гг. полностью соответствовала версии, сформулированной советскими учеными. Восточногерманские исследователи в ряде случаев были даже консервативнее, чем со-

³⁸⁶ Schmidt W. Die Geschichtswissenschaft der DDR in den fünfziger Jahren // ZfG. 1983. II. 4. S. 291–312.

³⁸⁷ Хюбнер П. Журнал историков Германской демократической республики (Обзор журнала „Zeitschrift für Geschichtswissenschaft“ за 1977–1978 гг.) // ННИ. 1980. № 1. С. 164–172.

³⁸⁸ Lozek G., Walter G. Vom „Dritten Reich“ zur Bundesrepublik. Zur positiven Umwertung des faschistischen Staates in der westdeutschen Historiographie // ZfG. 1968. H. 4. S. 1233–1244; Deutschland im Zweiten Weltkrieg // ZfG. 1968. H. 4. S. 1318–1320; Weisshecker M. Zur „Hitler-Renaissance“ in der BRD // ZfG. 1974. II. 4. S. 1169–1182; Teller H. Ernst Nolte und der kalte Krieg // ZfG. 1974. II. 5. S. 1287–1292; Schmidt W. Die Entwicklung der DDR-Geschichtswissenschaft im Zerspiegel bürgerlicher Historiographie der BRD // ZfG. 1982. H. 7. S. 581–589; Lozek G. Das Problem von Objektivität und Parteilichkeit und die Auseinandersetzung mit der bürgerlichen Geschichtsschreibung // ZfG. 1983. H. 5. S. 387–396; Ders. Der Streit geht weiter. Zum Versuch einer apologetischen Revision des Faschismusbildes durch rechtskonservative Historiker der BRD // ZfG. 1988. H. 1. S. 5–12; usw. На русском языке были опубликованы статьи Г. Лоцек: Лоцек Г. Основные тенденции и направления историографии ФРГ // ННИ. 1970. № 4. С. 153–161; Его же. О концепциях фашизма в буржуазной историографии ФРГ // Ежегодник германской истории. 1972. С. 373–387; и т. д.

ветские историки. С середины 1980-х гг. в развитии исторической науки ГДР наметились новые тенденции. Потребность руководства страны в поиске убедительных доказательств легитимности режима вызвала необходимость более пристального обращения к истории Германии в 1933–1945 гг. Кроме того, Перестройка в СССР не могла не повлиять и на психологический климат в странах социалистического блока. Вместе с тем, Я. Липинский отмечает, что «историки в ГДР придерживались советских инструкций гораздо дольше, чем их восточноевропейские коллеги. Когда несколько более открытая дискуссия началась в 1988 г., правящая коммунистическая партия даже приняла решение не следовать за сдвигами в советской историографии»³⁸⁹.

Объединение Германии 3 октября 1990 г. стало катастрофой для восточногерманской исторической науки. Историки ГДР оказались в той же ситуации, что и советские ученые: им было необходимо опровергать самих себя и разрушать ту систему исторических взглядов, которую они сами создавали на протяжении десятилетий. Процесс ломки был очень болезненным. Лишь некоторые историки ГДР смогли продолжить достаточно эффективную научную деятельность в ФРГ (среди них – Айхольц, Кляйн³⁹⁰, Петцольд и др.). Так, историк-марксист Айхольц продолжил работать над экономическими аспектами Второй мировой войны. По его мнению, «война Гитлера с Советским Союзом, начатая из-за стремления заполучить жизненное пространство и ресурсы, была в самом начале обречена, поскольку для ведения войны такого масштаба ресурсов Германии не хватало»³⁹¹.

Историческая наука ГДР ненадолго пережила само государство, институциональная структура её была уничтожена в 1991–1993 гг. После крушения социализма восточногерманские историки оказались перед выбором: либо обрести новую идентичность в условиях ФРГ, либо исчезнуть с интеллектуальной карты современной Германии³⁹². Вместе с тем, стоит отметить, что восточногерманская историографическая традиция, после коллапса начала 1990-х гг. претерпев серьезные изменения, все же оставила свой след в культурно-историческом облике современной Германии. Так, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» стал

³⁸⁹ Липинский Я. Секретные протоколы Сталина и Гитлера – пескопачаемая история с 1939 г. // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2005. С. 40.

³⁹⁰ Ulrich V. Eine grandiose Täuschung. Der bedeutende DDR-Historiker Fritz Klein seine Erinnerungen geschrieben // Zeit. 09.03. 2000.

³⁹¹ Eichholtz D. Öl, Krieg, Politik: Deutscher Ölimperialismus (1933–1942/43) // ZfG. 2003. II. 6. S. 493–510; ders. „General Plan Ost“ zur Versklavung osteuropäischer Völker // UTOPIEKreativ. 2004. H. 167. S. 800–808.

³⁹² Bialas W. Weiße Flecken auf weißen Westen: zu Wissenschaftlichkeit und Parteilichkeit nach dem Ende der DDR-IIstoriographie // ZfG. 1993. II. 8. S. 675.

одним из ведущих исторических журналов ФРГ. В первой половине 1990-х гг. появилось значительное количество объединений, в которых представители бывшей исторической науки ГДР продолжили заниматься научной и учебной работой, что позволяет современным исследователям говорить об «альтернативной исторической культуре ФРГ» или о «второй немецкой научной культуре»³⁹³.

I.V. Griban

Griban Irina Vladimirovna – the graduate student of chair of general history of the Ural state pedagogical university, the director of the Museum of history of URGPU.

SUBJECT of the SOVIET-GERMAN RELATIONS of 1939-1941. IN THE HISTORIOGRAPHY OF GDR

On October 7, 1949 in response to creation in the territory of three western occupational zones of Germany, in the Soviet zone declaration of the German Democratic Republic took place. The split of Germany which has become a symbol of Cold war, predetermined development of historical science of GDR throughout its existence. The new socialist state needed justification of the legitimacy. Key idea for formation of national identity in East Germany became recognition of fault militaristic and the imperialistskikh of circles before the world community and discharge of the nazi past. After socialism crash the East German historians appeared before a choice: or to find new identity in the conditions of Germany, or to disappear from the intelligent card of modern Germany. At the same time, It should be noted that the East German historiographic tradition, after collapse of the beginning of the 1990th, having undergone serious changes, nevertheless I left the trace in cultural and historical shape of modern Germany. So, "Zeitschrift für Geschichtswissenschaft" became one of leading historical magazines of Germany. In the first half of the 1990th there was a significant amount of associations in which representatives of the former historical science of GDR continued to be engaged scientific and study that allows modern researchers to speak about "alternative historical culture of Germany" or about "the second German scientific culture".

Key words: historiography, GDR, Soviet-German relations, Cold war

³⁹³ Berger S. Was bleibt von der Geschichtswissenschaft der DDR? Blick auf eine alternative historische Kultur im Osten Deutschlands // ZfG. 2001. II. 1. S. 1017.